

ВЫРАЖЕНИЕ СЕМАНТИКИ НАЛИЧНОСТИ И ОТСУТСТВИЯ В АНГЛИЙСКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ

Е.В. Андреева

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Чебоксары, Россия

Цель исследования заключается в выявлении закономерностей функционирования морфологических средств выражения семантики наличности и отсутствия в английском и чувашском языках. **Научная новизна** состоит в том, что впервые проведено исследование специфики выражения семантики наличности и отсутствия в сопоставительном аспекте на материале английского и чувашского языков. Данные языки ареально и генетически различные. В процессе исследования установлены общие и частные особенности семантики наличности и отсутствия сопоставляемых языков, определены их структурно-семантические инварианты, а также вариативные соответствия. Проведенное исследование позволило определить универсальные и уникальные для рассматриваемых разноструктурных языков продуктивные средства выражения семантики наличности и отсутствия. **В результате** исследования доказано, что разноструктурные языки имеют сходства и отличия в процессе передачи семантики наличности и отсутствия посредством аффиксов в английском и чувашском языках.

Ключевые слова: семантика наличности и отсутствия, разноструктурные языки, сопоставительный анализ, аффиксы наличности и отсутствия

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что сопоставительное описание морфологических формантов на примере аффиксов с семантикой наличности и отсутствия вносит значимый вклад в теорию сравнительно-сопоставительного языкознания, так как выясняет функциональные, семантические и структурные особенности каждого из сопоставляемых языков.

Современный английский язык, будучи представителем в составе индоевропейской семьи, является самым распространённым среди германских языков и имеет материальное сходство с другими германскими языками. Общие черты проявляются на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях иерархии языка в таких языках, как романский, балтийский, албанский, армянский языки, а также с некоторыми мёртвыми языками, которые также относятся к индоевропейским языкам. Чувашский язык «чăваш чĕлхи» является национальным языком чувашей и государственным языком Чувашской Республики. В генеалогической классификации языков мира относится к тюркской группе алтайской языковой семьи и является единственным живым языком болгарской группы. География распространения чувашского языка прослеживается в среде чувашских общин, проживающих в Башкортостане, Татарстане, Самарской, Ульяновской, Саратовской и Пензенской областях, а также в некоторых других областях, краях и республиках Урала, Поволжья и Сибири. Английский язык и чувашский языки от-

носятся к различным языковым типам, а отдельные изоморфные явления можно объяснить присутствием синтетизма и аналитизма, которые свойственны как английскому, так и чувашскому языку; наличием изоморфизма, приобретенного в ходе динамического развития, в частности, развития агглютинации в английском языке.

Следовательно, при сравнении языков, принадлежащих к различным морфологическим типам, следует исходить из фактов, обусловленных развитием и изменением языковых систем как внутри языка, так и при установлении межъязыковых соответствий в процессе сравнительно-сопоставительного анализа.

Категория наличия и отсутствия рассматривалась на примере сущности бытия и небытия еще в древнейшие времена. Значимость положительных и отрицательных утверждений как важнейших признаков суждения отражена в трудах таких ученых, как Э.И. Айзенштадт (1949), В.Н. Бондаренко (1983), И.Н. Бродский (1973), О. Есперсен (1958). Начало осмысления категории отрицания уходит своими корнями еще в древние времена. Вариативные точки зрения на сущность категории отрицания выражены в труде В.Н. Бондаренко [5]. Древнегреческий философ Аристотель требовал четко различать понятия «бытие» и «небытие». Так, «существование» (бытие) – реализующееся при помощи глагольных форм, которые указывают на действие в настоящем, будущем и прошлом времени, и «несуществование» (небытие) – опре-

деляемое как «человек есть» и «человек не есть». Анализ понятий «бытие» и «небытие» в суждении впервые указал на необходимость дифференциации времени в суждении. При этом утверждение и отрицание, согласно Аристотелю, представляют собой понятийные категории, и он относит их к «полаганию мыслимого существующим или несуществующим. Утверждать – значит говорить, что данный предмет (или признак) существует; отрицать – значит говорить, что данный предмет (или признак) не существует, не имеет места в действительности», «всякое суждение, в котором всегда нечто отрицается или утверждается о чем-либо, имеет основу в действительности, и эта действительность может быть выражена (явно или неявно) как в утвердительном, так и в отрицательном суждении» [4, с. 103]. Также сущность отрицательных суждений раскрывает И.Н. Бродский. Особенность оппозиции наличия – отсутствия заключается в следующем: «В содержании суждения отношения принадлежности (наличия) или непринадлежности (отсутствия) признака предмету мысли не является отличительной особенностью всякого суждения, ибо указанное отношение имеет место и в понятиях, и оно не свойственно таким формам мысли, как вопросу и побуждению», в «действительности предмета с определенными признаками, а не просто мысль о связи одного с другим», «отрицательные категорические суждения типа «S не есть P» отражают различные виды отсутствия, лишенности, неприсушности, непринадлежности, несуществования признака P (свойства, действия, состояния, отношения и т. п.) у предмета мысли S. Отсутствие, лишенность и тому подобные объективные обстоятельства иногда объединяют в категорию небытия» [6, с. 58–59]. И.Н. Бродский, поддерживая утверждения Аристотеля, умозаключает, что «отрицательное суждение есть форма отражения (и познания) небытия именно определенного предмета или определенного признака. Знание о небытии чего-либо возникает как осознание или установление либо различия, либо несовместимости чего-либо в чем-то, либо отсутствия чего-то, либо ложности мысли о бытии (наличии) чего-либо» [4, с. 103]. Итак, во-первых, отрицательные связи в предложении, согласно мысли Аристотеля, могут быть интерпретированы при помощи логических понятий, однако логическое выражение отрицательных связей не всегда совпадает с целями языкового выражения отрицания. Первыми, кто ввел в лингвистику понятие разъединенности, были Э.И. Айзенштадт и Е.М. Галкина-Федорук. По мнению ученого Э.И. Айзенштадт, «отрицание в языке есть выраженное системой языковых средств разделение явлений реальной действительности» [3, с. 30]. Из этого следует, что мы разъединяем в сознании то, что разъединено в действительности. Авторы склоняются к тому, что грамматическое и логическое отрицание эквивалентны, однако домини-

рующая функция разъединенности принадлежит грамматическому отрицанию, которое указывает на отсутствие связи между предметами и их признаками в самой действительности. В трудах О. Есперсена отмечено, что «утверждение и отрицание выражают абсолютную уверенность говорящего соответственно в наличии и отсутствии чего-либо» [7]. В трудах отечественного лингвиста В.Г. Адмони утверждение и отрицание представлены как формы, выражающие модальные значения: «утверждение и отрицание суть выражения соответственно реальности и нереальности отражаемых в предложении связей и явлений действительности», где «утвердительные и отрицательные предложения различаются не по содержанию выражаемых в предложении отношений объективной действительности как таковых, а по своему модальному характеру, по оценке реальности этих содержаний» [1, с. 163–164]. В.Г. Адмони дополняет, что такие модальные значения, как сомнение, вероятность придают предложению дополнительные оттенки, которые ослабляют положительный или отрицательный характер сообщаемого. Данным утверждением он соглашается с трехчленной схемой отрицания О. Есперсена.

Так, высказывание А.С. Азаманова справедливо обобщает мысль предыдущих авторов: «...и утверждение, и отрицание имеют общее, что и в том, и в другом случае мысль является решением познавательной задачи, полаганием существования или несуществования чего-либо в действительности, «...» утверждение и отрицание чего-либо о предмете признаются видами одной и той же формы мысли, называемой суждением» [2, с. 147]. Сопоставительное описание аффиксов со значением наличия и отсутствия благоприятствует адекватному пониманию и использованию данных морфологических формантов в процессе передачи аналогичной семантики с английского на чувашский язык. Объектом исследования служат морфологические составляющие с семантикой наличия и отсутствия в двух языках. Предметом исследования являются морфологические характеристики языковых структур, посредством которых выражается значение наличия и отсутствия в двух языках.

Цель исследования предопределила постановку следующих **задач**:

1) проанализировать функционирование средств выражения значения наличия и отсутствия в двух языках;

2) установить общие и специфические характеристики структурных разновидностей семантики наличия и отсутствия в сопоставляемых языках.

В качестве фактического материала исследования послужили оригинальные художественные произведения английского автора О. Уайльда «*Fairytales*» (Wilde O. Fairy Tales / O. Wilde. – М.: Прогресс, 1979. – 212 с.) и их перевода на чуваш-

ский язык Б. Чиндыковым «Тёлёнтермёш юмахсем» (Уайльд О. Тёлёнтермёш юмахсем / О. Уайльд. – Шупашкар: Чăваш кĕн. изд.-ви, 1986. – 127 с.), Р. Киплинга «The First Jungle Book: stories» (Kipling R. The First Jungle Book: stories / R. Kipling. – М.: Юпитер-Интер, 2003. – 188 с.) и его перевод на чувашский язык Манял «Маугли» (Киплинг, Р. Маугли / Р. Киплинг; пер. Манял. – Чебоксары: Чувашиздат, 1936. – 302 с.), также чувашский роман автора Д.А. Кибек «Кайăк тусё» (Кибек Д.А. Кайăк тусё: роман / Д.А. Кибек. – Шупашкар: Чăваш кĕн. изд.-ви, 2008. – 383 с.), онлайн-словарь английского языка (Cambridge Dictionary: [сайт]. – Cambridge. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru>).

Теоретической основой исследования послужили труды:

- по сопоставительному языкознанию – В.Д. Аракина, Дж. Буранова, В.Г. Гака, Е.Д. Поливанова, В.Н. Ярцевой;

- общему языкознанию и семантике – Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Н.А. Васильева, В.В. Виноградова, Л.М. Владимирской, В.Л. Ибрагимова, С.Д. Кацнельсона, Е.В. Падучевой.

Для решения поставленных задач был использован комплекс **методов исследования**:

- теоретический анализ научно-методической литературы по рассматриваемой проблеме;

- методы концептуально-грамматического анализа, включающие в себя как характеристику языкового материала с реферированием научных работ, так и аналитическую оценку научных понятий и решений в реферируемых работах;

- описательный метод, реализующийся при интерпретации языкового материала;

- метод сплошной выборки;

- сравнительно-сопоставительный анализ выражения семантики наличности и отсутствия в двух языках.

Практическая значимость заключается в том, что результаты проведенного исследования позволяют обогатить имеющийся материал в области сопоставительного языкознания, типологической лингвистики и переводоведения, поскольку анализ семантики наличности и отсутствия на материале разноструктурных языков дает возможность установить функциональные особенности, а также выявить специфические закономерности при передаче данной семантики с английского языка на чувашский язык.

Обсуждение и результаты

Фактическим материалом, послужившим основанием для сопоставительного исследования, являются аутентичные примеры из английской и чувашской художественной литературы. Методом сплошной выборки было отобрано свыше трех тысяч примеров, на основе которых создана авторская картотека. В работе исследуется в основном письменная форма современного английского и чувашского языков.

В английском языке аффиксы со значением наличности образуют от именных основ имена прилагательные посредством суффиксов *-ful* и *-ous*, например, *grace – grace + ful*, *dread – dread + ful*, *hope – hope + ful*, *peace – peace + ful*, *danger – danger + ous*, *humor – humor + ous*, *fame + ous* / изящество – изящный, страх – страшный, надежда – надежный, мир – мирный, опасность – опасный (*Здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Е.А.*). Имена существительные образуют имена прилагательные при помощи суффикса *-ness*, например, *happy + ness*, *sad + ness*, *nervous + ness*, *kind + ness*, *selfish + ness* / счастливый – счастье, печальный – печаль, нервный – нервозность, доброта – добрый, эгоистичный – эгоизм.

Рассмотрим на примерах из английских источников иллюстративного материала: «Her latest book is a **humorous look** at teenage life» (Cambridge Dictionary: [сайт]. – Cambridge. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru>) / «Ее последняя книга представляет собой **юмористический** взгляд на жизнь подростков»; «She hoped the different ethnic groups in the area could live together in **peaceful co-existence**» (Cambridge Dictionary: [сайт]. – Cambridge. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru>) / «Она надеялась, что различные этнические группы, преобладающие на данной территории, могли рассчитывать на **мирное** сосуществование»; «Our children have brought us so much **happiness**» (Cambridge Dictionary: [сайт]. – Cambridge. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru>) / «Наши дети принесли нам столько **счастья**»; «I think her **kindness** is one of her strong points» (Cambridge Dictionary: [сайт]. – Cambridge. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru>) / «Самая сильная ее сторона – это **доброта**».

В сопоставляемом чувашском языке наличествует аффикс *-лă* (*-лĕ*), который образует от имен существительных прилагательные с семантикой наличности, например, *йĕн* «игла; коллочка» – *йĕн+лĕ* [9, с. 18] «колючий; придирчивый»: «Унтан тăрса тумланчĕ, вырăнне пустарчĕ, пит-кусне **пăрлă шывпа** сурĕ те ирхи апата ларчĕ» (Кибек, 2008). / «После этого встал, оделся, заправил постель, обмыл лицо **ледяной водой** и начал завтракать»; «Ăстан тупрăр савăн пек **йĕплĕ чĕлхене?** – кулса ячĕ Вишневский» (Кибек, 2008, с. 141). / «Откуда же вы нашли такого **грубого?** – засмеялся Вишневский»; Пĕрре унăн арăмĕ кĕпе сунă чух вакка шуса кайнă та **пăрлă шыва** путса вилнĕ (Кибек, 2008, с. 216). / «Однажды, стирая вещи, его жена поскользнулась в прорубь и утонула в **ледяной воде**».

К тому же в чувашском языке аффикс *-лă* (*-лĕ*) является формообразующим средством не только имен прилагательных, он также участвует в образовании имен существительных и наречий с семантикой наличности какого-то качества или признака. По этой причине стоит различать аффикс имен прилагательных и формант имен существи-

тельных, так как прилагательные могут принимать аффиксы категории компаративности *-рах* (*-рех*), которая признается главной категориальной формой прилагательных [9, с. 84].

Имена существительные с семантикой наличности образуются при помощи аффикса *-лӑ* (*-лӛ*) [8, с. 18]. В отличие от прилагательных, существительные с аналогичным аффиксом могут принимать аффиксы выделения на *-и*, *-сер* и аффикс множественного числа *-сем* [8, с. 86]. Стоит отметить, что отличительным признаком в чувашском языке является то, что существительные на *-лӑ* (*-лӛ*) могут функционировать самостоятельно, например, *ӑслӑ* «умник» и *йӗплӑ* «колючка», следовательно, характеризовать качества человека.

Английский суффикс *-less* образует от существительных имена прилагательные, выражающие семантику отсутствия какого-либо признака или предмета, и противопоставляется по семантике суффиксам наличности *-ful* и *-ous*, например, *care – care + less*, *hope – hope +less*, *hair – hair +less*, *power – power + less* / *забота – беззаботный*, *надежда – безнадежный*, *волосы – лысый*, *мощь – немощный*.

Рассмотрим на аутентичных примерах из английского языка: «*Kaa, his head motionless on the ground, thought of all that he had seen and known since the day he came from the egg*» (R. Kipling, 2003, p. 167) / «Каа неподвижно лежал на земле и думал обо всем, что он видел и знал с того дня, как появился на свет»;

«*Built in the shadow of the windless gorge, and huge masses of spongy, rotten trash had rolled down and stuck among the trees and creepers that clung to the rock-face*» (R. Kipling, 2003, p. 169) / «Он был построен в тени безветренного ущелья: огромные массы губчатого, гнилого мусора скатывались вниз и застревали среди деревьев и ползучих растений, прижавшихся к скалистому склону».

Отрицательная форма имен существительных с аналогичной семантикой образуется при помощи предлога *without*, например, *I left without my umbrella* «я вышел без зонта», *You look nice without make-up* «Тебе лучше без макияжа».

В сопоставляемом чувашском языке существует аффикс *-сӑр* (*-сӛр*), который функционально следует различать. В случае, если формант *-сӑр* (*-сӛр*) можно противопоставить аффиксу *-на*, будучи аффиксом творительного падежа, то он является аффиксом лишительного падежа, например, *тракторсӑр – тракторна* [8, с. 139]. В остальных случаях аффикс *-сӑр* (*-сӛр*) является лишительным аффиксом, то есть аффиксом со значением отсутствия какого-либо признака или предмета.

Примечательно, что *-сӑр* (*-сӛр*) выступает как падежный при именах существительных и словообразовательный при именах прилагательных, в этом и заключается его полифункциональность: «*Чӑнах та, тирӗн те сұхатусӑр пулмарӗ*» (Кибек, 2008, с. 37) / «Правда, и у нас не обошлось без потерь», где *-сӑр* является лишительным аффиксом; «*Хӗрсене сӑнсӑр, уксах-суккӑр, курпун е чӑлах*

тӑвас килӗ» (Кибек, 2008, с. 10) / «Девушкам хотелось быть безобразными, хромыми, горбатыми или уродливыми», где *-сӑр* является аффиксом лишительного падежа, так как можно сказать в творительном падеже *сӑн + на*.

Изучив языковые факты из грамматики английского и чувашского языков, целесообразно провести их сопоставительный анализ передачи семантики наличности и отсутствия признака качества на примерах из оригинала художественной литературы и ее передачи с английского на чувашский язык:

«*He saw a most wonderful sight*» (R. Kipling, 2003, с. 48). / «*Чӑн та, асӑмӑ йӗкерчӗк курӑнӑ вӑл*» (Киплинг Р., 1936, с. 26). / «Действительно, он увидел самую красивую картину»; «*But I am afraid I shall never have such beautiful ideas as you have*» (O. Wilde, 1979, p. 63) / «*Анчах сирӗнни нек илемлӗ шухӑшсем манӑн пуҫа нӑхӑҫан та килмесрен хӑратӑн энӗ*» (Уайльд О., 1986, с. 37). / «Я никогда не смогу так красиво выражать свои мысли, как вы»; «*It certainly was a marvelous sight*» (O. Wilde, 1979, p. 55). / «*Илемлӗ йӗкерчӗк курӑнӑ <...>*» (Уайльд О., 1986, с. 26). / «Он увидел что-то необыкновенное». Для передачи семантики наличности автор оригинала употребляет прилагательные *wonderful*, *beautiful*, *marvelous*, которые передаются на чувашский язык при помощи имен прилагательных *асӑмӑ*, *илемлӗ*, *илемлӗ*, образованных при помощи аффиксов с соответствующим значением.

Однако это не единственный способ передачи семантики наличности в исследуемых языках:

«*This is a delightful spot <...>*» (O. Wilde, 1979, p. 48) / «*Калама сук килӗшет мана кунта <...>*» (Уайльд О., 1986, с. 27) / «Невозможно выразить, как нравится мне здесь», где семантика наличности выражена при помощи имени прилагательного *delightful* и передается на чувашский язык посредством синтаксического оборота, образованного от сочетания глагола, состоящего из формоосновы на *-ма-* (*-ме-*) и постпозитивной отрицательной частицы *сук*.

«*Once a beautiful flower put its head out from the grass <...>*» (O. Wilde, 1979, p. 48). / «*Пӗр пӗчӗкӗ чипер чечек кӑна курӑк ӑшӑнчен пуҫне кӑларса пӑхна та <...>*» (Уайльд О., 1986, с. 27) / «Как только красивый цветок показался из травы <...>», где семантика наличности, реализуемая при помощи имени прилагательного *beautiful*, передается при помощи слова с синонимичным значением *чипер* на чувашский язык.

«*<...> looking down at him with her beautiful eyes*» <...>» (O. Wilde, 1979, p. 82) / «*Пулӑҫ ҫине куҫ илмесӗр пӑхнӑ Тухатмӑш*» (Уайльд О., 1986, с. 141) / «Ведьма очаровательными глазами смотрела на рыбака», где семантика наличности выражена в имени прилагательном *beautiful* и передается при помощи деепричастия *илмесӗр*, образованного от формоосновы на *-ме-* и аффикса и означающего «не отвывая».

«Why not? It is a most **joyful occasion**» (O. Wilde, 1979, p. 84). / «Ma savǎnмалла мар ара?» (Уайльд О., 1986, с. 46) / «Почему же мы не должны радоваться», где семантика обладания, выраженная при помощи прилагательного **joyful**, передается при помощи словосочетания, состоящего из деепричастия **savǎnмалла**, образованного от глагола **саван** и аффикса долженствования на -малла, и постпозитивной отрицательной частицы **мар** «не должны радоваться».

«What can such a **hairless** one do against the Red Dog?» (P. Киплинг, 2003, p. 165). / «Çак çăмсăрскер Хёрлĕ Йытăсене хирĕç мĕн тума пултарĕ?» (Манял, 1936, с. 86). / «И что же может Маугли сделать этим Рыжим собакам»; «<...> the **tailless** leader not five yards behind him <...>» (P. Киплинг, 2003 p. 176). / «<...> ун хыçĕнчен пилек утăмра хурĕсĕр çулпуçĕ чупса пынă <...>» (Манял, 1936, с. 253). / «В пяти ярдах за ним бежал бесхвостый лидер <...>», где отрицательные форм имен прилагательных **hairless**, **tailless** передаются при помощи аффикса отрицания **-căp** (**-cĕp**) в словах **çăмсăрскер**, **хурĕсĕр** на чувашский язык.

Выявлены вариативные средства передачи аналогичной семантики:

«I hope so, but the sky is quite blue and **cloudless**» (O. Wilde, 1979, p. 77). / «Пĕр пĕлĕт татки те çук?» (Уайльд О., 1986, с. 49) / «Небо ясное, и нет ни облачка», где отрицательная форма имени прилагательного **cloudless**, образованная посредством суффикса **-less**, передается при помощи постпозитивной отрицательной частицы **çук** на чувашский язык.

«<...> and when they came to the Mountain-Torrent she was hanging **motionless** in air, for the Ice-King had kissed her» (O. Wilde, 1979, p. 176). / «<...> Утсан-утсан, чухăнсем Ту çинчи Шывсикки патне çитнĕ, Шывсиккине Пăр Патши **шăнтса пăрлантарса лартнă**» (Уайльд О., 1986, с. 110) / «Приближаясь к горному водопаду, они увидели, что Королева Льда превратила его в лед», где деепричастия **шăнтса**, **пăрлантарса** с семантикой «морозить, холодать, подмораживать» и «замораживать, покрывать льдом», ибо действительно, замороженный и обледенелый водопад действительно выглядит неподвижным.

«Well, never mind, I will do **without** it» (O. Wilde, 1979, p. 65) / Юрать - çке, хунар**сăрах**, эппин <...> (Уайльд О., 1986, с. 38). / «Я обойдусь без фонаря», где семантика отсутствия, реализуемая посредством предлога **without**, передается при помощи аффикса отрицания **-căp** на чувашский язык.

Как явствует из проведенного исследования, семантика наличности и отсутствия аналогична в исследуемых языках. Однако встречаются лексические и лексико-грамматические трансформации при передаче соответствующего значения в процессе перевода с английского на чувашский язык.

Заключение

Сопоставительное исследование средств семантики наличности и отсутствия на примере типологически разнотипных языков актуально не только для комплексного их описания, но и выявления основных элементов при передаче соответствующей семантики с языка оригинала на язык перевода. Неотъемлемой частью переводческого процесса является определение и глубокое осмысление языковых особенностей в исследуемых языках.

Таким образом, проведенное сопоставительное исследование семантики наличности и отсутствия посредством аффиксов в разнотипных языках позволяет сделать **вывод**, что:

1) семантика наличности и отсутствия в исследуемых языках эквивалентна, но структурно отличается;

2) в английском языке при передаче семантики наличности и отсутствия в основном употребляются форманты **-ful** и **-lă** (**-лĕ**) и **-less** и **-căp** (**-cĕp**) соответственно;

3) в чувашском языке аффикс **-căp** (**-cĕp**) является полифункциональным, в отличие от соответствующего аффикса в английском языке;

4) в английском языке существительные, имеющие формооснову на **-ness**, в отличие от чувашских имен на **-лă** (**-лĕ**), не принимают аффиксы выделения и аффикс множественного числа;

5) в процессе передачи семантики наличности и отсутствия с английского на чувашский язык, как правило, помимо инвариантных средств имеются вариативные соответствия, которые обусловлены творческим замыслом переводчика.

Литература

1. Адмони, В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка / В.Г. Адмони. – М.: Изд-во лит и иностр. яз., 1956. – 392 с. С. 163–164.
2. Азаманов, А.С. Логические формы и их выражение в языке // Мышление и язык. – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 142–182.
3. Айзенштадт, Э.И. Семантика отрицания / Э.И. Айзенштадт // Иностранные языки в школе. – 1949. – № 5. – С. 19–25.
4. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 1 / Аристотель. – М.: Мысль, 1978. – 550 с.
5. Бондаренко, В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В.Н. Бондаренко. – М.: Наука, 1983. – 215 с.
6. Бродский, И.Н. Отрицательные высказывания / И.Н. Бродский. – Л.: Изд-во ЛГУ им. А.А. Жданова, 1973 – 95 с.
7. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен; пер. с англ. В.В. Пассека и С.П. Сафроновой. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – 300 с.

8. Сергеев, В.И. Морфология чувашского языка: словоизменение, формоизменение, формообразование: моногр. / В.И. Сергеев; науч. ред. А.П. Долгова. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2017. – 400 с.

Андреева Екатерина Васильевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Чебоксары, Россия, kate016@mail.ru

Поступила в редакцию 11 апреля 2023 г.

DOI: 10.14529/ling230409

EXPRESSION OF PRESENCE AND ABSENCE SEMANTICS IN THE ENGLISH AND CHUVASH LANGUAGES

E.V. Andreeva, kate016@mail.ru

I.N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

The aim of the study is to reveal the regularities in the functioning of morphological means of expressing the semantics of presence and absence in the English and Chuvash languages. The scientific novelty consists in the fact that the specific productive means to express the semantics of presence and absence has been studied in a comparative aspect based on the English and Chuvash languages, both universal and unique to the considered diverse languages. These languages are geographically and genetically different. In the research, general and specific features of the semantics of presence and absence in the compared languages has been found, their structural-semantic invariants as well as their variant correspondences have been determined. As a result of the study, we proved that the English and Chuvash languages have similar and different affixation means to convey the semantics of presence and absence.

Keywords: semantics of presence and absence, differently-structured languages, comparative analysis, affixes of presence and absence

References

1. Admoni V.G. *Vvedenie v sintaksis sovremennogo nemeckogo yazyka* [Introduction to the Syntax of Modern German]. Moscow: Izd-vo lit na inostr. yaz., 1956. 392 p.
2. Azamanov A.S. [Logical forms and their expression in language]. *Mishleniye i yazik* [Mind and language]. Moscow: Gospolitizdat, 1957. P. 142–182. (in Russ.)
3. Eisenstadt E.I. [Semantics of negation]. *Inostranniye yaziki v shkole* [Foreign languages at school]. 1949, no. 5, pp. 19–25. (in Russ.)
4. Aristotle. *Sochineniya* [Works]. 4 vol. 1. Moscow: Misl, 1978. 550 p.
5. Bondarenko V.N. *Otricanie kak logiko-grammaticheskaya kategoriya* [Negation as a logical and grammatical category]. Moscow: Nauka, 1983. 215 p.
6. Brodsky I.N. *Otricatelnnye viskazvaniya* [Negative statements]. Leningrad: Publishing house of the Leningrad State University named after A.A. Zhdanov, 1973. 95 p.
7. Jespersen O. *Philosophiya grammatiki* [Philosophy of grammar]. Perevod V.V. Passek i S.P. Safronova. Moscow: Publishing house of foreign literature. 1958. 300 p.
8. Sergeev V.I. *Morfologiya chuvashskogo yazyka: slovoizmenenie, formoizmenenie, formoobrazovanie: monogr* [Morphology of the Chuvash language: word-formation: monograph]. Ed. A.P. Dolgova. Cheboksary: Chuvash. gos. in-t gumanit. nauk [Chuvash State Institute of Humanities], 2017. 400 p.

Ekaterina V. Andreeva, senior lecturer, department of foreign languages no.no. 2, I.N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia, kate016@mail.ru

Received 11 April 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Андреева, Е.В. Выражение семантики наличности и отсутствия в английском и чувашском языках / Е.В. Андреева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2023. – Т. 20, № 4. – С. 59–64. DOI: 10.14529/ling230409

FOR CITATION

Andreeva E.V. Expression of presence and absence semantics in the English and Chuvash languages. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2023, vol. 20, no. 4, pp. 59–64. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling230409